

ПИСЬМА

В детстве мы называли их письмами. Маленькие невесомые шарики-пушинки, семена каких-то трав, а может быть деревьев. Влекомые потоками жаркого летнего воздуха, они носились повсюду, взмывая к небу, спускаясь к самой земле. Они степенно вторгались через окна в наши дома и бесновались в воздушных водоворотах на обочинах шоссе. Случалось, что письма застревали в паутине, на поверхности луж или в траве, но почти всегда находился порыв ветра, вызволяющий их из плена и снова отправляющий в полёт.

Когда письмецо прилетало к нам в руки, мы ловили его, аккуратно, чтобы не повредить, зажимая между двух сложенных лодочкой ладошек. Мы нащёптывали ему что-то и приговаривали, кому именно отправляем весточку. А потом отпускали. И оно летело дальше, продолжая свой немислимый путь, может быть к следующим детским ладоням, а может быть в никуда...

С тех пор немало воды утекло. Я вырос, мир стал иным, но семена-письма не перестали летать в жгучем зное уже совсем другого лета, напоминая о лёгкости и свободе, которых больше нет в моей жизни. Свободы нет, уж точно. Я пленник безжалостной системы, охраняемой теми, кто лишь внешне напоминает людей. Я заточён в клетку и не знаю, выйду ли когда-нибудь отсюда.

Мне очень грустно и одиноко. Мне не хватает тех, с кем я был раньше. Но с ними не связаться. Нет способа напомнить о человеке, который оторван от мира и предан забвению. Разве что...

Внутренний дворик. Жара. Летающие пушинки. Письма.

Потихоньку, с оглядкой, я набираю их целую коробку, а потом ускользаю от своих надзирателей – на такое моих способностей ещё хватает. С этим, мало кому понятным богатством, я пробираюсь на крышу самого высокого здания внутри периметра. Небо улыбается мне россыпью облаков, и я улыбаюсь ему в ответ. Вокруг – недостижимый для меня простор.

Я устраиваюсь поудобнее, сдвигаю крышку. Они смотрят на меня. Они ждут. Я предвкушаю, как достану сейчас пушинку-письмецо, нашепчу ей свой нехитрый малюсенький привет и отправлю адресату сквозь пространство и время. Это несложно, ведь я, в отличие от остальных, знаю, что мир не ограничен жёсткими рамками измерений.

Но я медлю. Медлю потому, что первое письмо... оно – родителям. Мы не виделись давно, и я не знаю, что с ними. Слова для этой весточки, пусть и самые простые, подбираются с большим трудом: я был плохим сыном и наши отношения не складывались – но я вверяю пушистому гонцу всю теплоту и жажду прощения, что могу в себе найти. Отпуская письмецо, я прошу судьбу о том, чтобы конечной точкой его путешествия не стал могильный холмик за невзрачной оградой. Впрочем, над некоторыми вещами я не властен.

Дальше – проще!

У моих писем нет никаких подписей. Я хочу, чтобы те, о ком я помню и кому посылаю с невесомыми гонцами свои приветы, сами догадались, кто их отправил. И, если такое случится, далёкие губы нашепчут притаившимся в ладонях пушинкам ответные весточки. И снова они будут пущены по ветру и полетят по невообразимым, невычислимым траекториям в обратный путь. А я буду ждать их возвращения.

У меня нет похожих друг на друга писем. Все они разные. Вот эту, чуть примятую пушинку я посылаю мальчишке, с которым мы, сидя на ветке дерева, рассуждали о будущем.

Он оказался прав в своих прогнозах. Вот эта, с волнистым краешком, отправляется на поиски соседской девчонки, которую в октябре, ничего не понимающую, я катал на багажнике своего велосипеда по аллее с цветущими каштанами. Огромное пушистое письмоцо улетает к учительнице, которая, одна из немногих, была добра к необычному ученику, рассказывающему иногда странные вещи. Продолговатая и взъерошенная – единственному другу, который однажды просто побоялся сделать следующий шаг. А вот эту с почерневшей сердцевинкой, так и быть, шлю недругу, который этот шаг сделал, за что мы оба поплатились. Где, в каком из миров, разыщет его письмо? Рыжую и пушистую я прошу отправиться к златокудрой девушке-выпускнице, которая научилась издалека различать меня по походке. Пусть письмо отыщет её в том светлом, замечательном времени, ибо теперь, узнав меня, она стала несчастна и я бессилён что-либо изменить. В прошлое я посылаю ещё одно письмо, чем-то похожее на ёжика – над этим человеком без имени навсегда сомкнулся капкан дорог. А вот эту, в виде сердечка, я посылаю Ей. Очень хочется, чтобы это письмоцо сумело преодолеть все расстояния и опустилось в родные ладошки. Хочется, чтобы она догадалась, от кого ей весточка. И ещё хочется верить в её желание сказать мне «Привет!».

Коробка опустела. Письма разлетелись по свету. Теперь мой удел – ждать.

Когда-нибудь в лучах восходящего солнца, заглядывающего сквозь зарешёченное окно, появится летящая точка и, несмотря на то что я буду рад каждому ответившему, моя душа замрёт в надежде, что плывущая ко мне пушинка, приблизившись, превратится в ту самую, похожую на сердце.

* * *

Детские ладошки держат мохнатую пушинку.

– Мама, мама, смотри, мне письмо плелетело.

– Ух ты какая! Сердечком. А ты её тоже кому-нибудь отправишь?

– Да. Я её папе pošлю.

Вздых. Пауза. Упавшая на лицо золотистая прядь.

– Ну, котёнок, папа очень далеко. До него она не доберётся.

– Нет, добелётся! Я знаю! Ты только ещё повтори, что это за место, где сейчас папа?

Глаза, печальные, обречённые. «Зачем сказала?!» Но губы сами шепчут ответ:

– Оно называется пси-хи-а-три-чес-ка-я больница, дочка.